

ОТ РЕДАКТОРА / EDITOR'S NOTE

Актуализация проблемы политического менталитета / Actualization of the problem of political mentality

Ну вот, уважаемый читатель, и наступил 2023 г. Редакционная коллегия поздравляет Вас и надеется, что он будет лучше предыдущего. Верим, что каждому автору и читателю этот год принесет много ярких и светлых событий и успехов во всех благих начинаниях.

Высокий накал, интенсивность и неопределенность политического процесса 2022 г. перетекли в 2023 г., не дав возможности остановиться и традиционно подвести итоги года уходящего. И хоть несть числа прогнозам на год наступивший, но невозможно избавиться от ощущения, что прошедший год еще не кончился, а продолжается, ибо политический календарь меряется процессами и событиями, а не движением Земли вокруг Солнца.

Человеческая история измеряется в первую очередь политическими процессами и их военной составляющей. Политики и технологи особенно усердно и успешно трудятся над созданием средств и методов уничтожения и в историю вносят прежде всего военные достижения, имена военачальников и отважных воинов. Этапы развития военных технологий и политические масштабы войн находят отражение в их названиях: мировая, атомная, холодная, идеологическая и т. п. XXI в. не стал исключением и внес в политологический оборот и массовое сознание такие понятия, как «новая холодная война», «третья мировая война» и «ментальная война».

Если два первых представляют собой развитие возникших в XX столетии терминов, то понятие «ментальная» является изобретением века нынешнего. Термин этот не очень распространен в массовом сознании, да и среди политологов, но это не говорит о малозначительности процессов и явлений, которые он определяет. Вместе с тем потребность в его рассмотрении существует и возрастает, поскольку определяемый им феномен является ключом к осмыслению современных и грядущих процессов и трансформаций мировой политики.

Историкам и политологам хорошо известно определение Второй мировой войны как войны идеологической. И более того, история большей части XX в. именуется или объясняется противостоянием двух политических идеологий – либеральной и социалистической (с разными вариациями дефиниций). Несмотря на взаимное неприятие и агрессию по отношению друг к другу, обе эти идеологии имеют общий базис – рационалистическую парадигму, предусматривающую возможность создания глобального гомогенного общества счастья и благополучия. Разногласия и противоречия проявляются лишь в некоторых стратегических, а особенно в тактических вопросах: роли государства и религии, взаимоотношений между классами, приемлемости и допустимого уровня частной собственности на средства производства.

Это идеологическое противостояние формально закончилось в начале 1990-х гг. признанием поражения руководителями так называемого коммунистического блока, но в глобальном масштабе конкуренция либеральной и социалистической идеологий продолжилась в виде их конвергенции. У ряда идеологов, обслуживавших интересы американского истеблишмента, возникла иллюзия о

полной и окончательной победе либеральной идеологии в мировом масштабе. Однако глобальный идеологический дискурс никуда не делся, и с начала нового столетия идеологические противоречия вновь стали обостряться.

Это обострение ряд исследователей называет «ментальной войной», а так как термин новый, он требует анализа вкладываемых в него смыслов. Не считая себя достаточно компетентным в этой проблеме, автор основывается на теории профессора МГУ Н. М. Ракитянского, определяющего менталитет как репрезентативный выразитель инаковости и уникальности психологических качеств, морально-этических принципов, политических установок, духовных, религиозных, идеологических и нравственных представлений и ценностей этносов, народов и наций. Отсюда вытекает заключение, что речь идет о сущности принципиального отличия культур, в данном случае политических, и базирующихся на их основе мировых цивилизаций.

Определенную сложность понимания этого психологического феномена создает одновременное функционирование в научном дискурсе двух терминов – «менталитет» и «ментальность». Большинство исследователей характеризует их как разные явления или состояния человека и общества. Предлагаются разные варианты их значений, вызывающие у автора ощущение искусственности и ненаучности. Впрочем, это частное суждение неспециалиста, но в данном материале будет использоваться термин «менталитет».

В российской политологии структуру политической культуры представляют по-разному, но сходятся в том, что она включает в себя политическое сознание и политическое поведение. Так как сознание является первичным по отношению к поведению, то менталитет следует искать в нем. Можно выделить три группы исследователей: включающих менталитет в сознание; не указывающих его среди элементов сознания; определяющих менталитет как самостоятельную часть политической культуры. Автор присоединяется к мнению профессора Ракитянского, отстаивающего последнюю точку зрения.

Концепция, согласно которой менталитет не является частью сознания, ставит вопрос об их соотношении и взаимодействии. Профессор ЛГУ А. И. Юрьев выдвигает несколько интересных суждений, в частности о том, что менталитет древнее и старше сознания, которое выросло из него, но сохраняет эту зависимость; менталитет находится между миром и сознанием, проводя бессознательную оценку поступающей информации и формируя наше мнение и отношение к ней. Происходит сравнение смыслов, содержащихся в информации, с нашими неосознаваемыми догматическими принципами и ценностями.

Здесь возникает еще одна коллизия: в соответствии с суждениями Зигмунда Фрейда, сознание имеет трехуровневую организацию и включает в себя подсознание, сознание и сверхсознание; следовательно, не входя непосредственно в сознание, менталитет располагается где-то среди двух других его элементов. Однако ситуация не упрощается, а скорее наоборот. Профессор Ракитянский замечает, что в концептуальном пространстве современной психологии подсознание и сверхсознание образуют состав бессознательного. Отсюда вытекает, что менталитет находится в зоне бессознательного. Дальше – больше, получается, что сверхсознание как духовное, высшее человеческое начало подчинено подсознательному, т. е. низшему, и транслирует его в менталитет или наоборот.

Это принципиально для осознания сущности ментальной войны. Будем исходить из того, что сверхсознание формирует концентрированную устремленность людей, обществ и народов к достижению политических целей, доминирующих в иерархии ценностей и мотивов. Общественный и, как следствие, личный менталитет является результатом исторических процессов, не подлежащих подсчету. Менталитет наших современников уходит корнями в раннегосударственный период истории человечества. Понятно, что в течение такого продолжительного периода и вследствие значительных катаклизмов в нем сохраняется только самое важное, принципиальное и приоритетное на все времена. А так как истории у народов разные, то и менталитет у них отличается, как и понимание смысла жизни, святынь и ценностей.

Понятно, что к таким вечным ценностям относятся язык, религия, опыт взаимодействия с природой, значимость государства, мифологемы и нравственные приоритеты. Отсюда вытекает, что каждый народ живет в своей ментальной системе и с трудом понимает другой народ или цивилизацию. Представляется, что у менталитета имеется ядро, которое доминирует над всеми другими его составляющими. Естественным образом в него входят язык и культура общения. Резонно предположить, что вторым элементом ядра является вера. Например, профессор А. И. Юрьев определяет ее как позвоночник всей структуры психики человека, и в первую очередь речь идет о вере в виде религии, хотя в менталитете современного человека она не всегда очевидна. О значении веры в политической жизни говорил Г. Гегель, считавший, что государство произошло из религии. Если говорить о России, то это полное соответствие. Вера в бога и вера в его отсутствие – все равно вера в недоказуемое, принимаемая как аксиома, но с разным знаком. Вера в идеальное возвышает, а вера в то, что ты являешься разновидностью животного, – наоборот.

Когда мы говорим о вере, то понимаем, что речь идет о системе догматов, лежащих в основе нашего мировоззрения, следовательно, и определяющих его конфигурацию и ориентацию. По утверждению профессора Ракитянского, система догматов религии или же атеистической доктрины, которая также есть догмат, является источником формирования идентичностей и ментальных матриц как основ социальной, культурной, религиозной, национальной и политической консолидации людей. Политическая сущность менталитета определяет отношение народов и цивилизаций к базовым вопросам человечества и среди них – определения своего места и роли среди других цивилизаций. Если перевести на чисто политические дефиниции, речь идет о субъектности политической нации. По мнению профессора, именно религиозные догматы и построенная на их основе культура обуславливают уровень политической субъектности цивилизации и, соответственно, ориентацию ее внешней политики.

Политический менталитет определяет гражданское сознание и в целом политическую культуру населения страны. Для огромной полиэтнической и многоконфессиональной страны, какой является Российская Федерация, естественен дискурс гражданских менталитетов, но важно, чтобы в нем доминировала патриотическая политическая культура. И такая патриотическая ментальность, свойственная большинству граждан, имеется, а ключевым в ней является государственно-ориентированная доминанта. Автор категорически не согласен с исследователями, считающими, что россиянам свойственна «подданническая» политическая

культура. Можно утверждать, что абсолютная ценность государства является важнейшей частью русского, да и российского, менталитета, а вовсе не слепая покорность власти предрешающей.

Именно эта особенность русского менталитета не позволяет отечественному сознанию безропотно воспринять и согласиться с теорией и практикой глобализма, лишаящего государство суверенитета. Исходя из политических и экономических реалий, позиция правящего класса и граждан России противоречит и противодействует данной политике, поэтому ее проводники предпринимают энергичные усилия по устранению патриотического компонента менталитета россиян. А деятельность государства или группы стран, направленная на изменение менталитета населения враждебной им страны в желательную сторону, и есть ментальная война.

Пустивший в марте 2021 г. этот термин в публичное пространство российский государственный и политический деятель А. М. Ильницкий в журнале «Военная мысль» охарактеризовал ментальную войну как новый тип войн, направленных на уничтожение самосознания, изменение ментальной – цивилизационной – основы общества противника. В своих подходах он опирался на умозаключения видного, но малоизвестного в нашей стране военного историка и теоретика, публициста, белоэмигранта А. А. Керсновского, опубликовавшего в Париже в 1939 г. монографию «Философия войны». В своей книге тот впервые ввел в научный оборот понятие «умовая война», т. е. война умов или война за умы.

Разразившаяся вскоре Вторая мировая война впервые в истории в значительной степени включила в себя ментальный компонент, реализованный вначале в виде гитлеровской, а затем антифашистской пропаганды. В годы холодной войны этот вид враждебных действий получил дальнейшее развитие и распространение и наименование идеологического противоборства двух систем. Затем, приутихнув в 1990 гг., он активизировался, достигнув сегодня своего наивысшего размаха.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время российское общество является объектом самого мощного за всю историю психологического давления, осуществляемого посредством интернет-коммуникации из-за рубежа и через его агентов внутри страны. Основным объектом этого воздействия является российский гражданский менталитет, а целью – его глобалистская трансформация.

Ю. А. Зуляр